

Новиков Денис Викторович

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ КАК ОБЩЕСТВО ПЕРИФЕРИЙНОГО ТИПА

Целью настоящей статьи является исследование типологического характера современного российского общества. Опираясь на глобально-формационную теорию Ю. И. Семёнова, а также мир-системный анализ И. Валлерстайна, автор идентифицирует современную Россию в качестве общества периферийного типа, в котором капиталистическая основа сосуществует с элементами архаичной политарной формации. По мнению автора, элементы политаризма оказывают негативное воздействие на российский капитализм, способствуя сокращению его исторического "горизонта".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/10-1/31.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 10 (24): в 2-х ч. Ч. I. С. 126-132. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/10-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 930.1

Философские науки

Целью настоящей статьи является исследование типологического характера современного российского общества. Опираясь на глобально-формационную теорию Ю. И. Семёнова, а также мир-системный анализ И. Валлерстайна, автор идентифицирует современную Россию в качестве общества периферийного типа, в котором капиталистическая основа сосуществует с элементами архаичной политарной формации. По мнению автора, элементы политаризма оказывают негативное воздействие на российский капитализм, способствуя сокращению его исторического «горизонта».

Ключевые слова и фразы: периферийный капитализм; политаризм; внеэкономическое принуждение; производственные отношения; инсайдеры; аутсайдеры; политарный фонд.

Денис Викторович Новиков, к. полит. н., доцент

Кафедра философии и социологии

Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет

novikovdeniska@rambler.ru

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ КАК ОБЩЕСТВО ПЕРИФЕРИЙНОГО ТИПА©

Изучение процессов и явлений, принадлежащих к различным сферам российской общественной жизни (экономической, социальной, политической, духовной), неизбежно ставит исследователя перед необходимостью решения важной исходной задачи. Данной задачей является определение типологического характера современного российского общества. Ответ на вопрос о том, каким по своим качественным характеристикам оно является, по существу, выступает в качестве исходной «клеточки», позволяющей исследователю не просто описать (пусть даже и весьма детально), но целостно изучить смысл различных аспектов его существования. И наоборот – абстрактный анализ процессов и явлений, имеющих место в российском обществе, не предполагающий их рассмотрения в конкретном социоисторическом контексте, способен привести исследователя лишь к произвольным и поверхностным заключениям и научно необоснованным прогнозам.

В современной социальной науке существуют различные точки зрения относительно характера российского общества. Спектр имеющихся подходов здесь чрезвычайно широк и включает в себя такие определения, как, например: «феодальное общество» (В. Э. Шляпентох [24], Дж. Лестер [8, с. 126-127]), «сословное общество» («поместная федерация») (С. Г. Кордонский [13]), «раздаточное общество» («квазирыночное общество», «квазикапитализм») (О. Э. Бессонова [1; 2]), общество «Х-матрицы» (С. Г. Кирдина [11]), «неоэтаркратизм» (О. И. Шкаратан [23]), «политическое общество» (О. В. Крыштановская [14]) и т.д.

Вместе с этим при всей широте и вариативности интерпретаций специфики российского общества, наиболее обоснованной, с научной точки зрения (а также самой популярной), на наш взгляд, является позиция, в рамках которой современная Россия трактуется в качестве общества капиталистического [7-9; 16; 17; 21].

В свою очередь многочисленные исследователи, типологически определяющие современное российское общество в качестве капиталистического, различным образом идентифицируют его видовой характер. При этом, несмотря на все различия в концептуальных подходах, а также идеологическую приверженность, указанных авторов объединяет, по существу, одна идея – утверждение о «ненормальности» российского капитализма, т.е. об отсутствии идентичности между ним и «классическим» капитализмом западного типа.

На наш взгляд, для понимания специфики современного российского капитализма целесообразным является использование предиката «периферийный».

Тезис о «периферийной» природе современного российского капитализма является в настоящее время достаточно распространенной точкой зрения и высказывается многими различными представителями научного сообщества как в России, так и за рубежом.

Теоретической основой, на которой базируются указанные концепции российского периферийного капитализма, на наш взгляд, является, главным образом, мир-системный анализ, развиваемый знаменитым американским социологом Иммануилом Валлерстайном.

В своих работах данный исследователь, как известно, выделяет три структурных элемента современной мир-системы (СМС): «ядро», «периферию», и «полупериферию». Россия, по мнению ученого, представляет собой страну, занимающую в СМС положение полупериферии, т.е. «государства, причудливо сочетающего как черты “ядра”, так и “периферии”» [4, с. 38] («сочетает в себе черты продвинутости центра с периферийными свойствами социоэкономической отсталости» [5, с. 12]). С одной стороны, аккумулируя в себе признаки «периферии», Россия является (и являлась) объектом эксплуатации со стороны стран, входящих в состав «ядра», с другой – как носитель признака «ядра» имеет (и имела) мощный военный потенциал, позволяющий ей занимать привилегированное положение среди прочих «периферийных» стран.

Указанная позиция американского социолога нуждается в некотором уточнении. Как уже было указано, И. Валлерстайн выделяет «полупериферию» в качестве самостоятельного (наряду с «ядром» и «периферией»)

элемента СМС. При этом она рассматривается в качестве некоего синтетического элемента, в равной мере соотносимого и с «ядром», и с «периферией».

На наш взгляд, «полупериферия» является понятием сущностно соотносимым не с термином «ядро», а с термином «периферия». В данном случае их соотношение – это взаимосвязь «всеобщего» и «особенного». На уровне «всеобщего» «полупериферия» содержит в себе важнейший «периферийный» признак – является объектом эксплуатации «ядра». В свою очередь «особенная» характеристика «полупериферии» связана с обширностью её территории, мощностью вооруженных сил и, как следствие, фактом эксплуатации ею иных «периферийных» объектов.

Таким образом, если «ядро» и «периферия» соотносятся в качестве сущностно (типологически) различных элементов СМС, то «полупериферия», в свою очередь, является исключительно видовым примером периферии. В связи с этим в дальнейшем исследовании особенностей современного российского общества нами будет использоваться исключительно термин «периферия».

Важной особенностью трактовки термина «периферия» современными исследователями, следующими логике мир-системного анализа, является его осмысление главным образом в контексте географии. Примером подобного географического понимания «периферии» является точка зрения современного российского исследователя А. П. Сафронова, изложенная в его монографии «Периферийная зависимость в индустриальном мире» [18]. Исходя из обязательного деления любого социального ландшафта на «не одинаковые по степени производственной обработки участки территорий», исследователь постулирует «нормальность» и закономерность возникновения «центра» и «периферии». Последняя, в свою очередь, определяется А. П. Сафроновым как «окраинные ландшафтные участки того или иного масштабного территориального мира, подчинённые центру по одной или нескольким линиям ресурсных обменов» [Там же, с. 319].

На наш же взгляд, вышеуказанная географическая коннотация термина «периферия» при всей своей научной обоснованности не является исчерпывающей. Более того, она является вторичной, занимающей подчиненное положение по отношению к коннотации социально-исторического характера.

Понятия «ядро» и «периферия» являются составными элементами двух пространств – социально-исторического и географического.

В рамках первичного пространства – социально-исторического – «ядро» и «периферия» являются конкретными обществами, различающимися по уровню социально-исторического развития. «Ядро» в данном случае представляет собой совокупность конкретных обществ, достигших максимального для данного физического времени уровня развития (в первую очередь экономического). «Периферия» же, в свою очередь, является совокупностью конкретных обществ, качественно отстающих по уровню своего развития (в первую очередь экономического) от обществ, составляющих «ядро».

В результате, в рамках конкретного этапа физического времени возникает ситуация сосуществования обществ, относящихся к различному историческому времени. В исторической науке подобная ситуация определяется термином «неравномерность исторического развития». Анализируя данную проблему, Ю. И. Семенов в своей работе «Философия истории» указывает на то, что «начиная с определенного времени важнейшей особенностью всемирной истории стала неравномерность развития социоисторических организмов и, соответственно, их систем. Результат – бытие в одно и то же время социоисторических организмов, относящихся к разным типам, к разным общественно-экономическим формациям, сосуществование и взаимовлияние разных исторических миров» [20, с. 254].

Таким образом, дихотомия по линии «ядро» – «периферия», существующая в географическом пространстве, является лишь формой выражения сущностных отношений между «ядром» и «периферией», воспроизводящихся в пространстве социально-историческом. Сущностное социально-историческое неравенство между «ядром» и «периферией», в свою очередь, продуцирует конкретные формы неравенства и эксплуатации, возникающие в определённые моменты физического времени.

Далее следует обратиться к анализу социально-исторической природы современного российского общества.

Как уже было указано выше, современное российское общество является «периферийным». Это означает, что оно качественно отстаёт по уровню своего социально-исторического развития от обществ, составляющих «ядро» современной мировой системы (СМС).

Специфика российского общества определяется его синтетическим характером – наложением на капиталистическую основу элементов архаичной (по отношению к капитализму) политарной формации. Экономическая, социальная, политическая и духовная сферы современного российского общества, таким образом, содержат в себе характеристики, относящиеся к различным этапам исторического времени – к капитализму и политаризму.

Капитализм на уровне абстракции представляет собой общественно-экономический строй, основу которого составляет перманентное расширенное воспроизводство капитала (*self-expansion of capital*). Как указывает И. Валлерстайн, «историческую социальную систему, которую мы называем историческим капитализмом, отличает то, что в ней капитал стал использоваться (вкладываться) совершенно особым образом. Главной целью или главным намерением его использования стало саморасширение (*self-expansion – курсив И. В.*). В этой системе прошлые накопления были “капиталом” лишь в той степени, в какой они использовались для большего их же накопления... Именно эту неумолимую и самонаведённую цель владельца капитала – накопление ещё большего капитала и отношения, которые капиталовладелец должен установить с другими личностями, чтобы достичь этой цели, – мы называем капиталистической» [3, с. 76-77].

Социальная структура капиталистического общества представлена двумя классами: буржуазией (владельцами средств производства, предпринимателями) и пролетариатом (представителями наёмного труда).

Основным экономическим законом капитализма, детерминирующим процессы во всех сферах общественной жизни (экономической, социальной, политической, духовной), является прогрессирующее производство прибавочной стоимости, ведущее к саморасширению капитала. Как указывал К. Маркс: «производство прибавочной стоимости или нажива – таков абсолютный закон этого (*капиталистического* – Н. Д.) способа производства» [15, с. 632]. Источником же производства прибавочной стоимости в условиях капитализма выступает эксплуатация представителей наемного труда (пролетариата).

Капиталистическая эксплуатация «в идеале» основывается главным образом на экономическом принуждении. «Бытие экономического принуждения, – отмечает Ю. И. Семёнов, – означает, что система экономических отношений выступает как явление, существующее независимо от сознания и воли людей, живущих в этой системе, и прямо, непосредственно принуждающее этих людей действовать именно так, а не иначе, т.е. определяющее их сознание и их волю» [19, с. 217].

Политаризм в «чистом» виде представляет собой архаичный способ производства, для которого «характерны общеклассовая частная собственность, выступающая в форме государственной, и совпадение господствующего класса с ядром государственного аппарата» [Там же, с. 302]. В политарном обществе «средствами производства владеют... все члены господствующего класса только вместе взятые, но ни один из них взятый в отдельности. Это общеклассовая частная собственность. Она всегда приобретает форму государственной собственности, является государственной собственностью» [Там же].

Таким образом, политаризм есть способ производства, основой которого является общеклассовая частная собственность, совокупно принадлежащая представителям государственного аппарата.

В отличие от капиталистического общества, предполагающего производный характер политической власти от обладания частной собственностью, политаризм основан на обратном – производности собственности от политической власти. Советский историк М. С. Восленский, проанализировавший в своей знаменитой работе «Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза» советский вариант политаризма, следующим образом выразил данный тезис: «...главное в номенклатуре – власть. Не собственность, а власть. Буржуазия – класс имущий, а потому господствующий. Номенклатура – класс господствующий, а потому имущий» [6, с. 113-114].

Социальная структура политарного общества представлена двумя классами: господствующим классом (номенклатурой, инсайдерами, элитой) и рядовыми производителями (работниками, аутсайдерами, «массой»).

Основной экономической закон, определяющий экономическую, социальную, политическую и духовную жизнь политарного общества – стремление инсайдеров сохранить (как минимум) и упрочить (как максимум) своё господствующее положение в существующей системе социальных отношений. М. С. Восленский анализируя советский опыт, отмечал, что «основной экономической закон реального социализма состоит в стремлении господствующего класса номенклатуры обеспечить экономическими средствами максимальное укрепление и расширение своей власти» [Там же, с. 197].

Экономическая логика политаризма, как и любого классового общества, предполагает эксплуатацию рядовых аутсайдеров инсайдерами.

Политарная эксплуатация в отличие от капиталистической зиждется главным образом на внеэкономическом принуждении, основу которого составляет диктат государства.

Поскольку современное российское общество представляет собой синтез капитализма и политаризма, постольку особый исследовательский интерес составляет изучение диалектического взаимодействия элементов обоих способов производства в рамках конкретного тождества.

Как известно, способ общественного производства есть «производство, взятое в определенной общественной форме» [20, с. 427] («понятие, характеризующее конкретный вид производства необходимых для жизни людей средств..., осуществляемого в исторически определённых формах общественных отношений» [22, с. 398]).

Согласно марксистской теории способ производства рассматривается как целостность, состоящая из двух элементов: производительных сил и производственных отношений.

Основой способа производства являются, на наш взгляд, производственные отношения. Это связано с тем, что именно они (а не производительные силы) выступают в качестве общественно-исторического выражения процесса производства материальных благ. В сущности, производственные отношения представляют собой общественно-историческую среду, в рамках которой разворачивается производственный процесс.

Основу производственных отношений составляют отношения собственности. Собственность представляет собой «отношение между людьми, но такое, которое проявляется в их отношении к вещам... Собственность есть отношение, но такое, в котором проявляются их отношения друг к другу» [20, с. 432]. Современный российский экономист Р. И. Капелюшников указывает, что «отношения собственности понимаются как отношения именно между людьми, а не как отношения человек/вещь» [10].

Отношения собственности являются основой, определяющей экономический (социальный и политический) строй общества. Они детерминируют классовые отношения, выражаемые в факте эксплуатации и распределения общественного богатства. На наш взгляд, именно характер существующих в рамках конкретного общества отношений собственности является «исходной клеточкой», позволяющей целостно понять его специфику.

Согласно точке зрения исследователей, предметно занимавшихся (и занимающихся) изучением политарного («азиатского») способа производства, для него характерна не индивидуальная, а коллективная частная

собственность. Советский историк С. Ковалев, участвовавший в знаменитой дискуссии, посвященной «азиатскому» способу производства, происходившей в феврале 1931 года, отмечал: «кто является... классом – эксплуататором при азиатском способе производства? Это – привилегированная группа чиновников, воинов и жрецов – землевладельцев, точнее говоря, живущих земельной рентой, непосредственно организованная в государственный аппарат, коллективно владеющая средствами производства и коллективно эксплуатирующая примитивные сельские общины... Здесь мы имеем коллективную эксплуатацию группы привилегированных землевладельцев примитивного общинного коллектива» [12, с. 80]. Исследователь советского политарного («номенклатурного») общества – М. С. Восленский - указывал на коллективный характер социалистической собственности, *de facto* принадлежащей классу номенклатуры. Один из параграфов его работы «Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза» показательно назван: «“Социалистическая собственность” - коллективная собственность номенклатуры» [6, с. 174].

Коллективный характер частной собственности в данном случае предполагает сочетание её индивидуального использования в качестве источника дохода отдельными политаристами с коллективным владением и распоряжением ею всем классом политаристов вместе взятым. В связи с этим отчетливо проявляется отличие коллективной частной собственности от индивидуальной частной собственности. Если последняя связана с индивидуальным (личным) распоряжением объектом собственности, то первая его не предполагает. Политарист (инсайдер), таким образом, выступает лишь в качестве «пользователя» каким-либо объектом коллективной частной собственности, извлекающего в связи с её использованием доход, но не обладающего правом распоряжаться её дальнейшей судьбой.

Кроме этого, в отличие от индивидуального собственника, чьи правомочия использования и распоряжения покоятся на изначальном (априорном, аксиоматичном) владении объектом, использование собственности политаристом (инсайдером) носит служебный характер и основывается на его должностном статусе. Данная особенность закономерно отражается на положении инсайдера, превращая его во временного (более или менее) пользователя тем или иным объектом собственности, продолжительность использования которого находится в прямой зависимости от продолжительности обладания политарным (инсайдерским) статусом.

Особенность политарной (инсайдерской) собственности детерминирует специфику способа получения политаристами (инсайдерами) дохода. Поскольку политарная (инсайдерская) собственность носит коллективный (общеклассовый) характер, постольку главным источником дохода политаристов (инсайдеров) является общий политарный (инсайдерский) фонд, распорядителем которого выступает государство. (В современной России таковым фондом является Федеральный бюджет). Кроме указанного, политаристы (инсайдеры) обладают и иными источниками получения дохода, которые, однако, носят второстепенный характер. Ими являются: личный политарный фонд конкретного инсайдера и личный коррупционный фонд. Первый из них, представляющий собой бюджет контролируемого политаристом (инсайдером) объекта общеклассовой собственности, формируется посредством законной коммерческой деятельности, осуществляемой политаристом (инсайдером) в рамках официальной реализации функции управления тем или иным объектом общеклассовой собственности. Второй, в свою очередь, - за счёт личного обогащения с помощью незаконного использования политаристом (инсайдером) своего статуса.

Поскольку основным способом получения политаристом (инсайдером) дохода является заимствование материальных активов из политарного (инсайдерского) фонда (т.е. из государственного бюджета), в то время как заимствования из личного фонда носят вторичный характер, постольку в политарной системе отсутствует корреляция между качеством функционирования того или иного объекта коллективной собственности (которое, в свою очередь, находит количественное выражение в объёмах полученной им прибыли) и размером дохода, получаемого контролирующим данный объект конкретным политаристом (инсайдером). Анализируя закономерности советской экономической системы М. С. Восленский указывал на то, что последняя предполагает принципиальную незаинтересованность руководителей предприятий в результатах их (предприятий) работы. «Представьте себе..., - пишет ученый, - что вы – начальник цеха, главный инженер или директор... Какие у вас интересы? Ясно, на партийных собраниях вы распинаетесь в том, что болеее за дело предприятия. Но сами-то вы убеждены: ваши интересы – в том, чтобы получить премию за перевыполнение плана, чтобы были вы на хорошем счету и смогли бы продвинуться. Конечно, рабочих вам не жалко, и вы готовы были бы драть с них три шкуры. Но вы знаете, как они рассуждают, и поняли, что нажимом вызовете лишь текучесть рабсилы на предприятии и трудовые споры; в результате высшее начальство будет вами же недовольно. Как быть? Дело в том, что от руководителя предприятия фактически требуется не максимум прибыли,... а легко проверяемое выполнение плана» [Там же, с. 204].

В этом смысле совершенно очевидным становится различие между положением, занимаемым политаристом (инсайдером), и положением, занимаемым представителем господствующего класса капиталистического общества – капиталистом. В отличие от политариста капиталист обладает личной заинтересованностью в качестве функционирования, принадлежащей лично ему производственной системе. Количество извлекаемой капиталистом прибыли прямо определяется качеством функционирования принадлежащей ему частной собственности. В связи с этим целевой стратегией поведения капиталиста является стремление к повышению эффективности (с точки зрения соотношения «затраты – прибыль») функционирования собственного предприятия.

В свою очередь политарист (инсайдер), не обладая личной заинтересованностью в повышении эффективности функционирования подконтрольного ему объекта общеклассовой собственности, стратегически нацелен на сохранение своего привилегированного статуса, позволяющего ему бесперебойно получать

материальные ресурсы из общего политарного фонда, а также распоряжаться ресурсами из личного политарного и личного коррупционного фондов.

Существующие в политарной системе отношения собственности определяют взаимодействие между инсайдерами и аутсайдерами, выражаемое в господствующем положении первых и подчиненном положении вторых.

Важнейшей характеристикой политарного межклассового взаимодействия, качественно отличающей его от межклассовых отношений при капитализме, является внеэкономическое принуждение. Как указывает Ю. И. Семёнов: «...при капитализме в идеале в экономической сфере не существует внеэкономического принуждения. Капиталистическая экономика для своего функционирования в нём не нуждается. И роль права как внеэкономической силы заключается в том, чтобы не допустить в этой области действия внеэкономического принуждения. Не право определяет, каким должен быть рынок. Наоборот, рынок определяет, каким является право» [19, с. 216].

Что касается политарной системы, то она, наоборот, в обязательном порядке нуждается во внеэкономическом принуждении аутсайдеров к участию в производстве прибавочной стоимости, т.е. в собственной эксплуатации. В данном смысле политарное внеэкономическое принуждение является, по существу, «принудительным ремнем», запускающим и поддерживающим всю систему экономической эксплуатации аутсайдеров инсайдерами. Главным инструментом обеспечения системы политарного внеэкономического принуждения является государство. Именно оно обеспечивает бесперебойность механизма внеэкономического принуждения, подкрепляя его правовыми, инструментально-силовыми, а также идеологическими основаниями.

Логика политарного внеэкономического принуждения в отличие от экономического принуждения, существующего в условиях капитализма, предполагает, по существу, одностороннее выполнение аутсайдерами задачи по производству прибавочной стоимости. Причем данная «односторонность» не носит характер фактически возникающего явления, а является изначальной данностью, регулирующей в качестве своеобразного «правила игры» процесс эксплуатации аутсайдеров. Если капиталистические межклассовые взаимодействия строятся по формуле: «ты – мне, я – тебе» (лат. «quid pro quo», англ. «this for that»), то политарные отношения соответствуют формуле: «только ты – мне». Характерным примером, демонстрирующим «односторонность» политарного межклассового взаимодействия, является широко применяемое в современной России фактически принудительное и безвозмездное участие работников бюджетных организаций в т.н. «субботниках».

Данная особенность политарных межклассовых взаимоотношений вовсе не предполагает постоянной «безвозмездной» эксплуатации аутсайдеров со стороны господствующего класса. (Данное суждение подтверждает опыт Советского Союза). Однако «возмездность» политарной эксплуатации не рассматривается акторами (инсайдерами и аутсайдерами) в качестве неотъемлемого элемента межклассового взаимодействия в обязательном порядке следующего за процессом производства прибавочной стоимости. Она («возмездность») выступает в каждом конкретном случае исключительно как волевое решение того или иного инсайдера, призванное продемонстрировать аутсайдеру своё положительное отношение и расположение.

Политарные производственные отношения, нацеленные на сохранение и упрочение статуса инсайдеров и основывающиеся на внеэкономическом принуждении аутсайдеров, закономерным образом выступают фактором, препятствующим развитию производительных сил. М. С. Восленский называет подобную ситуацию «тенденцией к сдерживанию развития производительных сил» [6, с. 208]. Производственные отношения в данном случае перестают быть благоприятствующим социальным фактором, способствующим прогрессивным изменениям технологической составляющей процесса производства. Наоборот, они становятся источником консервации, а в связи с этим и увеличивающейся деградации производительных сил общества.

Поскольку спецификой современного российского общества является наложение на капиталистическую основу элементов политаризма, то поэтому особенный исследовательский интерес представляет изучение конкретного диалектического взаимодействия производственных отношений, составляющих указанные (капиталистический и политарный) способы производства, а также тех последствий, которые оно за собой влечет.

На наш взгляд, производственные отношения, существующие в современном российском обществе, выступают в качестве конкретного тождества, содержащего в себе противоречивые стороны – характеристики капиталистического и политарного способов общественного производства. Данные противоречивые характеристики сосуществуют в рамках конкретных производственных отношений в соответствии с диалектическим законом единства и борьбы противоположностей.

Конкретные акторы разворачивающихся в современном российском обществе производственных отношений, закономерным образом взаимодействуют друг с другом одновременно в рамках и капитализма, и политаризма. Каждый из них в связи с этим выступает одновременно как носитель двух социальных статусов: капиталиста (наемного работника) и инсайдера (аутсайдера). Указанные статусы обладают четкой дифференциацией лишь в абстракции. В условиях же конкретного взаимодействия они представляют собой внутренне противоречивое единство. В итоге конкретное социальное взаимодействие по линии «капиталист – пролетарий» становится также взаимодействием по линии «инсайдер – аутсайдер».

Важнейшим проявлением поддерживающего воздействия политаризма на капиталистические производственные отношения является та роль, которую он играет в создании прибавочной стоимости, т.е. в процессе эксплуатации представителей наемного труда. Суть данного участия сводится к тому, что, будучи включенным в конкретное капиталистическое межклассовое взаимодействие, политарное внеэкономическое

принуждение способствует увеличению степени капиталистической эксплуатации представителей наемного труда и, следовательно, влечёт за собой дополнительный рост получаемой капиталистами прибыли.

Однако дополнительный рост эксплуатации представителей наемного труда, достигаемый за счет использования капиталистами в процессе производства прибавочной стоимости внеэкономического принуждения, в конечном итоге оказывает не конструктивное, а деструктивное воздействие на сам капиталистический способ производства. Данная деструкция связана с тем, что дополнительная эксплуатация, которой подвергаются представители наемного труда, способствует ускорению процесса их обнищания, а следовательно, и дополнительному падению их реальной покупательной способности. А поскольку процесс саморасширения капитала обязательно предполагает прохождение стадии: $T' - D'$, то поэтому ускоренное (благодаря политарному внеэкономическому принуждению) падение способности населения приобретать произведенные товары становится фактором ускоренного развития противоречия между растущей эксплуатацией представителей наемного труда и необходимостью обеспечения высокого (и растущего) спроса.

Использование политарных производственных отношений, основанных на внеэкономическом принуждении, закономерным образом препятствует развитию производственных отношений, составляющих основу капиталистического способа общественного производства. Архаичное политарное межклассовое взаимодействие, встроенное в механизм капиталистического производства прибавочной стоимости, с течением времени всё больше и больше стагнирует развитие капиталистических производственных отношений, ускоряя процесс развития противоречия между ними и производительными силами.

Проведенный автором анализ позволяет сделать несколько заключений.

1. Периферийный характер современного российского общества проявляется в наложении на капиталистическую основу элементов архаичной политарной формации.
2. Политарные производственные отношения, основанные на внеэкономическом принуждении, являются средством деструкции российского капитализма, способствуя сокращению его исторического «горизонта».
3. В связи с последним насущной практической необходимостью современного российского общества является последовательная и неуклонная ликвидация элементов политаризма и в первую очередь внеэкономического принуждения.

Список литературы

1. **Бессонова О. Э.** Институты раздаточной экономики России: ретроспективный анализ [Электронный ресурс]. URL: http://razdatok.narod.ru/BESSONOVA/b2/mono_3.html#_oglref05 (дата обращения: 19.07.2012).
2. **Бессонова О. Э.** Раздаточная экономика России: эволюция через трансформацию. М.: РОССПЭН, 2006. 144 с.
3. **Валлерстайн И.** Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. М.: Товарищество научных изданий «КМК», 2008. 176 с.
4. **Валлерстайн И.** Россия и капиталистическая мир-экономика, 1500–2010 // Свободная мысль. 1996. № 5. С. 30–42.
5. **Валлерстайн И., Дерлугьян Г.** История одного падения // Эксперт. 2012. № 1 (784). С. 12–20.
6. **Восленский М. С.** Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.: Советская Россия; МП «Октябрь», 1991. 624 с.
7. **Гайдар Е. Т.** Власть и собственность: смуты и институты. Государство и эволюция. СПб.: Норма, 2009. 336 с.
8. **Гражданское общество: истоки и современность** / науч. ред. проф. И. И. Кальной. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2000. 296 с.
9. **Дзарасов Р. С., Новоженев Д. В.** Крупный бизнес и накопление капитала в современной России. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 512 с.
10. **Капелюшников Р.** Право собственности (очерк современной теории) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.strana-oz.ru/2004/6/pravo-sobstvennosti-ocherk-sovremennoy-teorii> (дата обращения: 19.07.2012).
11. **Кирдина С. Г.** Институциональные матрицы и развитие России [Электронный ресурс]. URL: http://www.kirdina.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=175 (дата обращения: 19.07.2012).
12. **Ковалев С.** Выступления на прениях по докладу М. Годеса «Итоги дискуссии об азиатском способе производства» // Дискуссия об азиатском способе производства: по докладу М. С. Годеса. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 74–82.
13. **Кордонский С.** Россия. Поместная федерация. М.: Европа, 2010. 312 с.
14. **Крыштановская О.** Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. 384 с.
15. **Маркс К.** Капитал. Критика политической экономии. М.: Госполитиздат, 1963. Т. 1. 908 с.
16. **Меньшиков С. М.** Анатомия российского капитализма. М.: Междунар. отношения, 2008. 464 с.
17. **Сакс Дж. Д.** Конец бедности. Экономические возможности нашего времени. М.: Изд. Института Гайдара, 2011. 424 с.
18. **Сафронов А. П.** Периферийная зависимость в индустриальном мире. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 328 с.
19. **Семенов Ю. И.** Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России. Философско-исторические очерки. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 376 с.
20. **Семенов Ю. И.** Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). М.: Современные тетради, 2003. 776 с.
21. **Тарасов А.** «Второе издание капитализма» в России [Электронный ресурс]. URL: http://www.scepsis.ru/library/id_2973.html (дата обращения: 19.07.2012).
22. **Философский словарь** / под ред. М. М. Розенталя. Изд. 3-е. М.: Политиздат, 1975. 496 с.
23. **Шкаратан О. И.** Посткоммунистические общества Европы и Азии. Цивилизационный контекст развития // Свободная мысль. 2010. № 1. С. 79–92.
24. **Шляпентох В. Э.** Современная Россия как феодальное общество. Новый ракурс постсоветской эры. М.: Столица-принт, 2008. 368 с.

MODERN RUSSIA AS SOCIETY OF PERIPHERAL TYPE

Denis Viktorovich Novikov, Ph. D. in Political Science, Associate Professor
Department of Philosophy and Sociology
Komsomol'sk-on-Amur State Technical University
novikovdeniska@rambler.ru

The purpose of this article is to study the typological character of modern Russian society. Basing on the global-formatonal theory of Yu. I. Semenov and the world-system analysis of I. Wallerstein, the author identifies modern Russia as the society of peripheral type, where capitalist basis coexists with the elements of archaic politar formation, and substantiates that the elements of politarism have negative impact on Russian capitalism contributing to the reduction of its historical "horizon".

Key words and phrases: peripheral capitalism; politarism; extra-economic compulsion; industrial relations; insiders; outsiders; politar fund.

УДК 159.923.2

Философские науки

Статья раскрывает тезис о единстве развития и сознания человека на основе рефлексивного замыкания их содержания. Основное внимание автор работы уделяет символическому характеру содержания сознания, которое может быть понято только через практики развития. Предлагаемое автором философствование представляется как подход к пониманию проблемности человеческой сущности.

Ключевые слова и фразы: сознание; развитие; символ; образование; содержание; язык; культура; рефлексия.

Сергей Владимирович Павлов, к.т.н.

Кафедра информационных технологий образования
Институт педагогики, психологии и социологии
Сибирский федеральный университет, г. Красноярск
melamaster@gmail.com

СИМВОЛИЗМ РАЗВИТИЯ В СОДЕРЖАНИИ СОЗНАНИЯ©

В данной статье разворачивается подход к пониманию проблемности и парадоксальности человека на основе соотношения сознания и развития. Основная идея представляемого подхода заключается в единстве сознания и развития, которые, рефлексивно дополняя друг друга, определяют сущность человека. С одной стороны, сознание полагается как нечто, необходимое для оформления развития: только сознание может исчерпывающе работать с содержанием развития. В этом плане сознание можно интерпретировать как ключ к развитию. С другой стороны, развитие полагается как другое нечто, играющее роль инициатора сознания, источника предметного материала в содержание сознания и расширителя границ сознания.

Для первого приближения к пониманию сознания воспользуемся суперпозицией индивидуального и социокультурного в человеке. Интуитивное восприятие и понимание себя дает нам внутреннее позиционирование: мы можем быть носителем (проводником) или источником (генератором) сознания, которое позволяет наблюдать и рефлексировать себя погруженным в окружающий мир в различных семиотических системах. Сознание возникает в отчуждении от самого себя: сознание шизофренично, и в этом смысле каждый человек болен сознанием. Понимание и признание изначальной патологии человека означает необходимость в регулярной диагностике с последующей поддерживающей или корректирующей терапией, которые за счет образования должны перейти в форму самодиагностики и самотерапии. Вопрос о генезисе сознания (возникает ли сознание внутри меня или я возникаю в сознании, которое вне меня?) разрешается схемой интериоризации Л. С. Выготского [1]: внешний диалог с другим постепенно индивидуализируется, превращаясь во внутренний диалог с самим собою. По этой схеме возникновение сознания у человека и погружение человека в сознание тождественны по сути.

Продуктивность дальнейших размышлений в плане формирования понятия о сознании с опорой на развитие будет зависеть от того, каким будет философствование о замысле этих понятий и какими словами оно будет описано. Вероятно, самым опасным для понимания является стремление к точным и лаконичным определениям с претензией на научность. Наука опасна тем, что всякое символическое содержание сознания старается перевести в пространство культурных знаков, что в пределе ведет к знаниям как языковой игре [3]. При этом в самой науке понятия не вводятся через дефиниции и не понимаются через дефиниции. Для формирования понимания ученые используют контекст или ситуации взаимодействия: в какие отношения может вступить определяемое понятие. Таким образом, всякое понятие это не «что», а «как». Поэтому для